

ЛИТЕРАТУРА

- Борейко В.Е. (1997а): Красота птиц как эстетическая ценность дикой природы. - Беркут. 6 (1-2): 83-86.
 Борейко В.Е. (1997б): Введение в природоохранную эстетику. Киев. 1-91.
 Грищенко В.Н. (1997): Эстетика и охрана птиц: вместо послесловия. - Беркут. 6 (1-2): 87—89.
 Дежкин В. (1997): За гуманность с разумом и сердцем. - Охота и охот. х-во. 1: 1-4.

- Леопольд О. (1983): Календарь песчаного графства. М.: Мир. 1—248.
 Любовь к природе (1997): Мат-лы междунар. школы-семинара "Трибуна-6". Киев. 1-300.

Украина (Ukraine),
 252062, г. Киев,
 ул. Кулибина, 5, кв. 221,
 В.Е. Борейко.

ПТИЦЫ В КОСМОЦЕНТРИЧЕСКОЙ ПЕРСПЕКТИВЕ

Е.А. Лебедь

Birds in the cosmocentric prospect. - E.A. Lebed. - Berkut. 7 (1-2). 1998. - Speaking about "aesthetic value" of birds and in general about perfect in wildlife we have to operate with the extra care with categories such as "beautiful" and "ugly", which frequently are extremely subjective. The value of birds are discussed from the cosmocentric positions. The birds occupied the important place in religious-philosophical systems. The man of the archaic society knew the bird as a principle of the maximum cosmic level. In the modern man it serves consumer admiring of the tired and satiated soul.

Key words: bird conservation, aesthetics, philosophy, cosmocentric system.

Address: E.A. Lebed, Romenska street 87, Sumy pedagogical institute, 244027 Sumy, Ukraine.

“О дорогое божество, о божественная птица, выслушай меня, молю! Ты не составляешь часть этого мира, ибо жилище твое у творца среди его золотых орлов”.

Из молитвы айнов.

Проблема, затронутая в двух дискуссионных статьях, представленных в последнем номере журнала “Беркут” (Борейко, 1997; Грищенко, 1997) обладает особой остротой и актуальностью. Я бы сформулировал ее как эстетическое и этическое оправдание птиц и шире — эстетическое и этическое оправдание природы. Многим, вероятно, покажется странным, что птицы, а тем паче природа нуждаются в каком-либо оправдании. Это справедливо при условии, если в птице мы будем видеть исключительно биологический (научный) или утилитарный объект, а на природу смотреть как на красивую декорацию для очередного пикника. Если же “наших пернатых друзей” (расхожее клише) воспринимать (воспользуясь селинджеровским, приправленным восточной метафизикой, слогом), “как наиболее полное воплощение чистого Духа” (“Симор: Введение”), а природу — как гармоничный, “вечно юный, цветущий космос, равнодушно и блаженно завершённую в себе неутомимую жизнь” (А.Ф. Лосев), то объект нашего рассмотрения в оправдании будет нуждаться в двойне.

Говоря об “эстетической ценности” птиц и вообще о прекрасном в живой природе мы должны с особой осторожностью оперировать категориями типа “красивое” и “безобразное”, которые часто оказываются крайне субъективными. Эти категории суть издержки нашего, нередко неадекватного реальности и в конечном итоге безответственного восприятия, порождающего “этико-эстетические” нелепицы на манер “наи-

более красивые птицы имеют наибольшие права на жизнь”. Снять возможность подобных утверждений можно благодаря подходам, сложившимся в последнее время в таком продуктивном эпистемологическом направлении как теория классификации и общая теория систем. Так, в основу предложенных С.В. Петуховым (1988) (среди его последователей упомяну И.С. Митяя) эстетических систем положены инварианты конформной геометрии. Им введено принципиально новое понятие вурфовой пропорции как совокупной пропорции частей трехчленных ансамблей. Системы золотого вурфа обладают особой эстетичностью в связи с их реализацией в теле животных и других биологических объектов. Законы пространственной гармонии оказались родственными законам гармонии цветовой, музыкальной, поэтической. Иными словами, в природе разнообразных классов объектов лежит единый унифицирующий принцип (золотая пропорция, ряд чисел Фибоначчи, золотой вурф), раскрыв который можно познать тайну прекрасного, сиречь гармоничного. Какой бы сложной ни была цепь переходов, она необходимо приведет нас через один из инвариантов гармонии от трехчленной конечности наземного позвоночного к пифагорейской музыке небесных сфер и сложнейшим современным космологиям.

В этой связи уместно вспомнить одну достаточно устойчивую, имеющую непреходящую ценность типологическую особенность эстетических представлений наиболее близкой нам иудео-христианской традиции — одухотворенность и

красоту тварного, объективность прекрасного в природе. Уже на первых страницах Книги Бытия Бог видит, что сотворенное им “хорошо” — гармонично (Быт. 1, 6–31). Согласно же Соломону, люди, “*обращаясь к делам Его исследывают и убеждаются зрением, что все видимое прекрасно*” (Прем. 13,7).

Этический подход к птицам заставляет нас становиться на сложный и опасный путь рефлексии над собственным мироощущением. Реальность может восприниматься нами через маленькую ячейку сети, сотканной из множества концептуальных структур и схем (гносеологических, экономических, политических, исторических), отягощающих сознание и атомизирующих мир.

Противоположная мировоззренческая позиция тотально космоцентрична и персоналистична. В ней сознание человека открыто великой мистике повседневности, где солнце светит, дрозд поет, лист падает с дерева, когда по слову Томаса Мертона, “*бесконечность времени и пространства уместается в одном сокращении сердца*”. Эта позиция предполагает видение птиц как репрезентантов природы, Космоса в перспективе внутренней соотносительности человеческого и космического порядка. В ней наша проблема приобретает четкий системный вид: “Я” — птица — Космос.

А птица — она мое эхо,
Мой двойник
Или просто — я.
Частица меня, над которой я больше
не властен
И которая растворяется в деревьях, в
полях, в небе.

(Эжен Гильвик).

Общеизвестен тот факт, что птицы в масштабе человеческого осмысления реальности занимают исключительное место. “Птичья” атрибутика использовалась в космогониях различных религиозно-философских систем. Мировое или Космическое яйцо как начало, из которого возник мир с его компонентами или демиург — один из самых распространенных мифопоэтических символов многих космогонических концепций (Топоров, 1967; Элиаде, 1987; Лебедь, 1998 и др.).

Птицы воспринимались как проводники душ, связывались с символикой восхождения, в чем содержалась метафизика независимости, выхода за пределы чисто человеческих пропорций и обретения духовной свободы. Наконец, птицы часто служили символом высших состояний бытия — ангелов (Генон, 1991). Некоторые антропологи, пораженные точной и тщательной туземной классификацией растений, млекопитающих и птиц признавались, что она обнаруживает определенное сходство с простой линнеевской таксономией (Леви-Строс, 1994). Адекват-

ный анализ всех этих и множества других примеров завел бы нас слишком далеко. Но и этот, далеко не полный ряд, связанных с птицами сведений показывает, что они, как сакральный объект, были космологизированы, поскольку причастны Космосу, а он образует высшую ценность в рамках соответствующего универсума. Кроме того, птицы для архаичного человека были включены как в сферу онтологии, гносеологии, этики, так и в сферу сакральной и светской эстетики. В росписях гробницы Бакта III (Бени-Хасан, Среднее царство, Египет) помимо изображений архетипических видов — журавля, цапли, аиста — встречаются изображения некоторых мелких птиц, культ которых в Древнем Египте проявлен не был — зимородка, удода, трясогузки, ржанки. Эти виды не причастны к сакральным птицам, однако, сама ритуальная композиция приобщает их изображение к культу (Померанцева, 1985).

Человек архаического общества знал птицу как принцип высшего космического уровня. Шаманы большинства традиционных обществ, а также йоги, китайские алхимики, архаты могли превращаться в птиц (разумеется в духовном смысле) и перемещаться в любую точку пространства (Элиаде, 1987, 1996). Карлосом Кастанедой ярко описана магическая техника подобной метаморфозы. “*Вороной стать вообще не сложно. Ты проделал это и теперь будешь вороной всегда*”, — утверждает маг (“Учение Дона Хуана”).

Здесь мы подошли к одной из этико-психологических установок, которые используются адептами некоторых современных методологий и мировоззренческих концепций, призванных скорректировать отношение человека к живому — эмпатии. Она является таким актом сознания, когда некое существенное психологическое содержание вкладывается при помощи чувства в объект, который ассимилируется субъектом и до такой степени связывается им, что субъект ощущает себя в объекте (Юнг, 1996). Эмпатия как момент в конституировании “другого Я” предполагает некую готовность, доверчивость субъекта по отношению к объекту, со-участие, со-чувствие.

Я поселился однажды в дрозде.
Пожалуй, я знаю теперь,
Как просыпается дрозд и как он пытается
Выразить
Свет,
Который сквозь гущу багрового мрака
Пробивается в чашу.

(Э. Гильвик. “Жилища”).

А вот еще одна иллюстрация эмпатирующего сознания, поражающая величиим вселенского Всеединства: “*...белая цапля пролетела над бамбуковым лесом. И Сиддхартха тотчас же воспринял цаплю в свою душу, летал над лесами и*

горами, сам становился цаплей, пожирал рыб, голодал вместе с цаплей, кричал голосом цапли, умирал смертью цапли” (Г. Гессе. “Сиддхартха. Индийская поэма”).

Хенрик Сколимовски (Skolimovsky, 1991) считает “йогу эмпатии” и “методологию соучастия” интеллектуальными стратегиями, способными противостоять холодному, сухому, незаботливому, всегда атомизирующему мир уму.

С точки зрения высших интересов современного среднего евро-американца птицы не существенны, не подлинны, я бы даже сказал нереальны. В противоположность человеку архаичного общества современный онтологически не включен в систему мироздания, он не знает ответственности за весь космический строй, а значит и его компоненты как целого — птицу, зверя, дерево. Для него галактический кодекс чести древних майя: “Я — это другой ты” — вымысел досужих фантастов, а фундаментальное тождество “дом — Космос” — убогий анахронизм.

Мы живем в плену иллюзий, а иллюзия, усвоенная массовым сознанием, стремится стать нормой. Мы умиляемся высокому рейтингу природоохранных познавательных передач в Германии (о Японии разговор особый), радуемся появлению нового экологического мышления в США и других так называемых высокоразвитых странах, где birdwatcher спешит куда-нибудь на Блу-Маунтин, чтобы увидеть ширококрылого канюка (*Buteo platypterus*). При этом мы забываем, что птица для него объект не созерцания и пристального всматривания. Она служит потребительскому любованию усталой и пресыщенной души, субъективированному наслаждению собой. Согласие же между птицей и человеком приобретает весьма иллюзорную форму. Собственно говоря, здесь выражается извечная погоня американца за новыми ощущениями, опытом и товарами. По этому поводу видный американский экофилософ Х. Сколимовски (1991) пишет, что десакрализованное сознание современного человека порождает эсхатологию потребления, которое становится своего рода средством спасения, неким суррогатом сакральных ценностей.

Иная ситуация в Японии, стране, где сбалансировано время, человеческая память, традиция и современность, где короткокрылая камышевка (*Cettia diphone*), переименованная европей-

скими переводчиками танка и хокку в соловья, — не только вершина прекрасного, но откровение истины.

С другой стороны, болезненное сознание актуального человека сверхиндустриальной цивилизации усвоило по отношению к природе такую установку, как если бы она обладала устрашающим качеством, то есть имела бы опасное действие, от которого человеку следует защищаться. Он недоверчиво отступает перед “демонами объектов” (К.Г. Юнг) и строит себе, в лице абстрактных концепций, ограждающий его противоположный мир, ведущий к изоляции и отчуждению. В десакрализованном мире, огражденном частоколом материалистических и позитивистских концептуальных конструкций может быть скучно, бесцветно, пусто и одиноко, зато комфортнее и покойнее, чем в божественном умном и благоговейном Космосе, за любое создание которого человек несет ответственность.

ЛИТЕРАТУРА

- Борейко В.Е. (1997): Красота птиц как эстетическая ценность дикой природы. - Беркут. 6 (1-2): 83-86.
 Генон Р. (1991): Язык птиц. - Вопр. философии. 4: 43-45.
 Грищенко В.Н. (1997): Эстетика и охрана птиц: вместо послесловия. - Беркут. 6 (1-2): 87-89.
 Лебедь Е.А. (1998): Миф о Мировом яйце в контексте европейской культуры. - Філософсько-етичні проблеми культури. Вісн. Харків. ун-ту. 400 (2): 41-45.
 Леви-Строс К. (1994): Первобытное мышление. Москва: Республика. 1-384.
 Петухов С.В. (1988): Высшие симметрии, преобразования и инварианты в биологических объектах. - Система. Симметрия. Гармония. М.: Мысль. 260-274.
 Померанцева Н.А. (1985): Эстетические основы искусства Древнего Египта. Москва: Искусство. 3-255.
 Топоров В.Н. (1967): К реконструкции мифа о мировом яйце (на материале русских сказок). - Тр. по знаковым системам. Тарту. 3: 81-99.
 Элиаде М. (1987): Космос и история. Москва: Прогресс. 1-312.
 Элиаде М. (1996): Мифы, сновидения, мистерии. Москва: Рефл-бук, Киев: Ваклер. 1-285.
 Юнг К.Г. (1996): Психологические типы. Москва: Университетская книга. 3-716.
 Skolimovsky H. (1991): Dancing in the Ecological Age. New-Delhi: Clarium Books. 1-182.

Украина (Ukraine),
 244027, г. Сумы,
 ул. Роменская, 87.
 Сумской пединститут.
 Е.А. Лебедь.

Орнітологічні спостереження	Беркут	7	Вип. 1-2	1998	139
-----------------------------	--------	---	----------	------	-----

Лелека чорний (*Ciconia nigra*). Дніпропетровська обл., Софіївський р-н. 15.07.1998 р. 1 ос. біля с. Авдотівка.

• Чернівецька обл., Глибоцький р-н. 2.05.1998 р. 2 ос. над с. Просіка; 8.06.1998 р. 1 ос. в лісі біля с. Просіка.

• Чернівецька обл., Новоселицький р-н 14.08.1998 р. 1 imm на полі біля залізниці поблизу с. Бояни.

А.Л. Сальник
І.Г. Москалюк
В.М. Грищенко